

Об одном некрологе Александру Блоку¹

И.З. Белобровцева

Аннотация: Републикация статьи-некролога А. Ветлугина на смерть А.А. Блока не только вводит ее в научный обиход, но и позволяет сделать выводы о рецепции творчества поэта молодым поколением русских литераторов, а также о приверженности А. Ветлугина канону серебряного века.

Ключевые слова: А. Ветлугин, Александр Блок, Вяч. Иванов, Андрей Белый, Иванов-Разумник, литературные репутации, история русской литературы XX века.

Информация об авторе: Белобровцева Ирина Захаровна, доктор философии, проф. Института гуманитарных наук Таллинского университета. Эстония. E-mail: venefil@tlu.ee

Смерть А.А. Блока 7 августа 1921 года отозвалась во всех общественных и идеологических стратах России и эмиграции. Некрологов было настолько много, что в 1922 г. Лев Лунц счел необходимым посвятить им критико-библиографический обзор².

В нем названы газеты и журналы, поместившие некрологи, а также имена их авторов: Евг. Замятин, П. Коган, С. Родов, И. Ионов, С. Бобров и др. из Советской России и эмигранты П.Н. Милюков, Литовцев (С.Л. Поляков-Литовцев), М. Слоним. Особо Лунц выделил газету «Жизнь искусства», две полосы которой были отданы под отклики на смерть Блока³.

По разным причинам (например, ввиду лишь частичной доступности периодици русского зарубежья) в обзоре не учтено множество других откликов на смерть поэта. Так, по-видимому, наме-

---

¹ Благодарю Д.Б. Азиатцева и А.А. Данилевского за помощь в подготовке этой публикации.

² *Лунц Л.Н.* Посмертная литература о Блоке // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2004. С. 393–400.

³ Жизнь искусства. 1921. № 804. С. 5–6. В газете опубликованы статьи М. Кузмина «А. Блок», Ю. Анненкова «Смерть Блока», П. Сторицына «Моя встреча с А.А. Блоком», М. Шагинян «Поэт в театре», А. Каннаровича «Музыкант — поэту», Вл. Пяста «Умер Блок», Э.Л. «Из биографии Блока».

ренно выпущен некролог В.В. Маяковского, как можно предположить, из-за неуместной фразы о том, что в «своей знаменитой, переведенной на многие языки, поэме “Двенадцать” Блок надорвался»⁴. Есть и другие лакуны: не так давно А.Ю. Галушкин опубликовал некролог Б.А. Пильняка, обнаруженный им «в одном из номеров рязанских “Известий...” за 1921 год»⁵. Не упоминал Лунц и появившихся в эмигрантской прессе некрологов А.А. Койранского, А.А. Яблоновского, Ю.А. Никольского, Н. Потресова (С. Яблоновского) и др.

Отсутствует в перечне и статья А. Ветлугина «Жизнь без начала и конца», опубликованная в парижской газете «Общее дело» 13 августа 1921 г., о чем можно только пожалеть, поскольку по накалу страсти, глубине личной скорби, степени осмысления места Блока в русской литературе и культуре с ней едва ли могут сравниться и поименованные Л.Н. Лунцем, и оставшиеся за пределами его обзора материалы.

До эмиграции сообщение о смерти Блока доходит через несколько дней — первый некролог публикует 11 августа газета «Последние новости». На следующий день Ветлугин пишет А.П. Шполянскому (Дону Аминадо):

Дорогой Аминад Петрович!

Мы все смеялись, пили, ели, гуляли, имели дело с [здесь и далее замасано А.П. Шполянским], а тем временем умер Александр Блок. Никакое другое событие, никакая другая смерть (включая самых близких людей) не могла бы произвести на меня такого тягостного впечатления. Так глупо, так ненужно всё: и рю де ла Помп, и фельетоны всех [- -] собачьих и Лонгфелло в переводе и с предисловием Бунина. Представляю старую психопатку Гиппиус — что ж, она, надо думать, довольна? Многое хотелось бы написать об А.А., но это уже в будущей книге. Вот *не* воображаемый портрет! Для “Общего дела” написал статью на завтра (“Жизнь без начала и конца...”), но недоволен ей; наспех, на краешке стола, зная, что не поймут и т.д. [...]

Факт тот — на глазах 150.000.000 сифилиток, воров, убийц, онанистов, сумасшедших умер человек, ради которого стоило прощать Россию, умер попросту от голода. Цинга! Представляете, что это значит? Опухшие десны, скулы, выпадающие зубы...

А Пиппа всё пляшет, и мы всё пишем о Кутепове, Врангеле, Денисове, Миноре и думаем, что это кому-нибудь нужно...⁶

---

⁴ *Маяковский В.* Умер Александр Блок [газ. АГИТ-РОСТА. 1921. № 14, 10 авг.] // *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 12. С. 21.

⁵ «...Кто забудет Блокову кровь?» Неизвестный некролог Б. Пильняка / Предисл., публ. и примеч. А.Ю. Галушкина // *Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века.* Тарту: Tartu University Press, 2003. С. 180.

⁶ Цит. по: *Белобровцева И.* «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»:

Как и обещал, А. Ветлугин пишет о смерти А.А. Блока в «будущей книге». Д.Д. Николаев установил, что «первые сведения о ее подготовке относятся к началу октября 1921 г., когда в газете “Общее дело”, где сотрудничал А. Ветлугин, была опубликована информационная заметка (названия книги и ее глав. — *И.Б.*). [...] 11 ноября 1921 г. [...] газета “Общее дело” сообщала: “В середине декабря из[дательств]о “Франко-Русская Печать” в Париже выпускает новую книгу А. Ветлугина — “Третья Россия”»⁷. Еще несколько анонсов позволяют Д.Д. Николаеву определить дату выхода в свет «Третьей России» как 20–21 января 1921 г.

Статья «Жизнь без начала и конца» стала основой восьмой части главы «Последняя метель», в которой немало сказано об атмосфере серебряного века и в общественных настроениях, и в литературе. Теперь, благодаря републикации Андреем Устиновым амбициозного годового обзора «Русская поэзия в 1916 г.»⁸, впервые появившегося в газете «Приазовский край» в январе 1917 г. под настоящим именем 19-летнего А. Ветлугина — Владимир Рындзюн, стало ясно, что он самым пристальным образом следил за всеми деталями литературного процесса, а Блок занимал в его представлении о поэзии XX в. вершинное место.

Трансформируя, развивая, преобразуя статью-некролог в книжную главку, А. Ветлугин многое меняет: опускает маловажное, сиюминутное, дописывает прояснившееся за эти месяцы, меняет композицию и даже характеристики *personalia*. Большая часть таких изменений прослежена и откомментирована Д.Д. Николаевым для подготовленного им издания «Третьей России» в составе избранных произведений А. Ветлугина⁹. При этом, исходя из объекта комментариев, исследователь двигался в обратном направлении — от книги к статье. Наша задача представляется «зеркальной»: это комментарии к некрологу с обращением к некоторым, наиболее важным, изменениям в книжном варианте. Публикация некролога в его аутентичном виде важна как свидетельство первого, почти спонтанного (напомним слова А. Ветлугина из письма Дону Аминадо — «наспех, на краешке стола») движения души, порыва, внезапного ощущения утраты — всего того, что в работе над книгой приобретает уже более «гладкий» вид, отчасти лишится резкости суждений, зато добавит всему сказанному эстетическое значение.

Письма А. Ветлугина Дон Аминадо // Работа и служба: Сборник памяти Рашида Янгирова / Сост. Я. Левченко. СПб., 2011. С. 221–222.

⁷ Николаев Д.Д. Комментарии // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. М., 2000. С. 422.

⁸ Устинов А. Русская поэзия 100 лет назад: взгляд из Ростова // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 173–184.

⁹ Николаев Д.Д. Комментарии // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. С. 433–435.

А. Ветлугин

Жизнь без начала и конца¹⁰

Жизнь без начала и конца,
Нас всех подстерегает случай,
Над нами сумрак неминуемый,
Иль ясность Божьего лица!¹¹

Этими словами, прозвучавшими на грани двух миров, на рубеже 1916 и 1917 гг., начинал А.А. Блок свое «Возмездие» — гениальную, оставшуюся незаконченной поэму.

В четырех строках сущность его изумительного жития, его творчества, которое однажды Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) пытался определить формулой: «Трагедия трезвости!»¹²

¹⁰ Публ. по: Общее дело. 1921. 13 августа. № 392. С. 3.

¹¹ В книге «Третья Россия» раздел, посвященный смерти А.А. Блока, начинается иначе: «Скоро снова повалит снег, завоют ветры и белым каркасом зайнется Великая Пустыня. Первая метель без Блока. Толкователь метелей ушел. Что услышал он в зове последней всенней метели?

...Но, милый Лео, я не лгу —

Мне холодно, в моей душе мороз...»

(Ветлугин А. Третья Россия // Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. С. 144). Стихотворные строки взяты из публикации «“Двенадцать” (Собственный комментарий А.А. Блока)» (Руль. 1921. 28 августа) и якобы воспроизводят письмо Блока к некоему Leo Lu. Р.Д. Тименчик раскрыл эту мистификацию латвийского литератора Леонарда Юлиановича Король-Пурашевича: «Заложённая шалуном из “Рижского курьера” мина сработала. Перепечатки, ссылки и цитаты пошли по русской эмигрантской печати на всех широтах» (Тименчик Р.Д. Ангелы-люди-вещи: в ореоле стихов и друзей. М.; Иерусалим, 2016. С. 95). Можно предположить, что А. Ветлугин подозревал подделку, так как вольно переставляет строки и отказывается от последнего стиха, по всей видимости, представлявшего ему легковесным и поверхностным:

Мне тяжело, — я не могу...

Мне холодно: — в душе мороз. —

Но, милый Лео, — я не лгу: —

Грядет, — уже грядет Христос!

¹² В «Воспоминаниях о Блоке» (1922) Белый одну из глав назвал «Трагедия трезвости!..» В дневниковой записи от 16 августа 1921 г. он свидетельствует, что эта трактовка нашла признание у самого Блока: «...когда в 1917 году (в начале года) я высказывал Блоку мысли о его творчестве, лучшие в основу моей статьи о нем в “Ветви”, то он весь расцвел, когда я ему рассказал о моем толковании его аллитерации 3-го тома “т”, “р”, “д” (“тр”–“др”): “Трагедия трезвости”. Именно с тем, что третий том есть трагедия трезвости, самосознание [...] — с этим он был глубоко согласен» (Белый А. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М.: Республика, 1997. С. 454). По справедливому замечанию Д.Д. Николаева, «эта формула была повторена А. Белым 28 авг. 1921 г. в его речи на открытии заседания Вольной Философской Ассоциации,

У автора «Розы и креста»¹³ потерялись начала: *«рожденные в года глухие, пути не помнят своего, мы, дети страшных лет России, забыть не в силах ничего»!*¹⁴ И мощная песнь Гаэтана, — гимн радости-страданию¹⁵ — пропадала в зовах песенных метелей; у автора «Двенадцати» не оказалось концов: все пережитые им жизни (их было столько, сколько цветов в его венке) оборвались, смешались, растворились в тот январский день 1918, когда он увидел «12 апостолов» в шинелях и с винтовками¹⁶; в реальном до фантастичности Петрограде его посетило видение, которое на 30 лет раньше встретило Ницше на вершинах швейцарского Энгадина¹⁷.

посвященного памяти А. Блока» (см. коммент. в: *Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца. С. 433*): «Блок, с присущей ему “трагедией трезвости”, с особым тщанием разлагает этот мир; но, с другой стороны, этот мир, сначала не узнанный, продолжается в нем» (Памяти Александра Блока. Томск: Водолей, 1996. С. 28).

¹³ А. Блок определял драму «Роза и крест» (1913) как «драму человека Бертрана; он — не герой, но разум и сердце драмы; бедный разум искал примирения Розы никогда не испытанной Радости с Крестом привычного Страдания. Сердце, прошедшее долгий путь испытаний и любви, нашло это примирение лишь в минуту смерти» (*Блок А. «Роза и Крест». К постановке в Художественном Театре // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1961. Т. 4. С. 529*).

¹⁴ С небольшими неточностями воспроизведена первая строфа посвященного З.Н. Гиппиус стихотворения «Рожденные в года глухие...» (1914): «Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы — дети страшных лет России — / Забыть не в силах ничего».

¹⁵ А. Блок так определял смысл песни Гаэтана: «Есть песни, в которых звучит смутный зов к желанному и неизвестному. Можно совсем забыть слова этих песен, могут запомниться лишь несвязные отрывки слов, но самый напев все будет звучать в памяти, призывая и томя призывом. Одну из таких туманных северных песен спел в южном французском замке заезжий жонглер. Песня говорила о том, что в мире повсюду беда и утраты и что рыцарь должен отметить грудь свою знаком креста, ибо “сердцу закон непреложный — Радость-Страданье одно”» (*Блок А. «Роза и Крест». К постановке в Художественном Театре. С. 527*).

¹⁶ В книге Ветлугин «озвучивает» изображенную Блоком картину шествия 12-ти, как бы представляя, наигрывая читателю музыку, которую неминуемо слышал Блок: «В тот январский вьюжный денек 1918, когда впервые прошли двенадцать апостолов в красноармейских шинелях, шелкая затворами, горланя свою странную песню. На Офицерской улице, в красном городе Петрограде, под рев грузовиков, лай пулеметов, ропот замерзающих — его посетило видение ... [...] И новая мысль Блока, и музыка “Двенадцати” (для тех, конечно, кто умеет слышать музыку) — больше ... [сильнее, чем зов], сложнее, чем жажда дешевой символики. [...] Ее можно было или, не услышав, не узнать, или, услышав, умереть» (*Ветлугин А. Третья Россия. С. 145*).

¹⁷ В августе 1881 г. в жизни Ницше происходит главное событие: в долине Верхнего Энгадина на него снисходит видение, которое он как мистик предчувствовал за несколько дней. Это была идея *Вечного возвращения*, то есть

Мысль Блока, музыка «Двенадцати» больше, чем кошмар, сильнее, чем зов, страшнее, чем привидение. По мощи она равна «вечным возвращениям»; можно было ее побороть или от нее умереть. И Блок умер, как двадцать лет назад умер Ницше, как два года назад умер В.В. Розанов.

Одна из последних мыслей Розанова — воспоминание о Блоке; одно из последних желаний Блока — написать статью о Розанове¹⁸.

И у обоих все начала и концы в Заратустре: incipit tragoedia...¹⁹

2.

Вскоре после московского октября, когда колесница большевизма уже топтала всю спящую Россию, я сидел у Вячеслава Иванова в нетопленной квартире на Зубовском бульваре.

Говорили о тех, кто казался надеждой русской поэзии: о Блоке и Белом. С обоими Вяч. Иванов связывали старые серьезные связи жреца и прозелитов, волхва и ищущих. Андрей Белый главу за главой читал ему свой «Петербург» и советовался; Блок, очень многим в своем развитии обязанный В. Иванову, написал ему однажды: «О скольких душ пустынный холод своим ты холодом пронзил»!²⁰

Своим тягучим старческим голосом, в неизменной позе Тютчева (с пледом на зябнущих коленях), Вяч. Иванов, сравнивая обоих, сказал: «в Белом я начинаю сомневаться; были дни, когда я его в шутку называл — «Гоголек», и думал, что из него Гоголь выйдет. Теперь навряд. Без остатка пожрал его Штейнер²¹. У Блока другая

возможности повторения любого явления или события, причем бесчисленное количество раз. Это, по Ницше, исключало надежду на небесную жизнь и какое-либо утешение. См. об этом: *Подорога В.* Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 1995 (Раздел II. На высоте Энгадина. Фридрих Ницше).

¹⁸ Дочь В.В. Розанова 9 июля 1919 г. обратилась к Блоку с просьбой передать ей адресованное ему письмо ее отца. Блок отвечает: «Письмо очень драгоценно; я очень хотел бы написать вокруг него несколько воспоминаний» (*Перцов П.П.* Воспоминания о В.В. Розанове / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Сукача // *Новый мир.* 1998. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/10/percov.html).

¹⁹ «Incipit tragœdia предлагает связь между вечным возвращением и трагедией. [...] Incipit tragœdia означает “трагедия начинается” [...]. В расширительном смысле это означает “начало трагедии” или “рождение трагедии”. Эти слова устанавливают важные связи между Заратустрой и самой первой книгой Ницше “Рождение трагедии”. [...] Заратустра и его учение в контексте мыслей Ницше соотносятся с трагическим искусством» (*Chapelle D.* Nietzsche and Psychoanalysis. Albany: SUNY Press, 1993. P. 70).

²⁰ Строки из стихотворения А. Блока «Вячеславу Иванову» (1912).

²¹ Штейнер Рудольф (1861–1925) — австрийский философ, оккультист, основатель антропософии и Антропософского общества. А. Белый находился

опасность — как-то встретит он большевистского коня бледного?²² То, что у Белого спасется в многогочии, в пафосе, у Блока уйдет внутрь и будет он испепелен!..

Через месяц вышли «Двенадцать»... В первый раз поэма была напечатана в левозсеровской газете (в Москве) «Знамя Труда»²³ — и совершилась величайшая в мире трагическая ошибка. Стаи косяязычных партийных шакалов бросились цитировать Блока на митингах (Блок на митинге?!), в шпаргалках, в отвратительных передовых, расклеили плакатами на стенах, на вагонах, в буфетах I класса и т.д.

А потом появился злой гений Блока — Иванов-Разумник — линючее создание — и снабдил «Двенадцать» таким предисловием, от которого деревья застонали²⁴. Не у каждого великого поэта есть доктор Эккерман²⁵, но каждому грозит Иванов-Разумник. Когда весной 1918 А.А. Блок приехал в Москву, при первой же встрече (в доме В. Иванова) я решил спросить его, зачем и кому понадобилась эта профанация?

под сильным влиянием Штейнера в 1912–1916 гг. Вяч. Иванов осенью 1912 г. «хотел вступить в Общество и просил устроить ему свидание со Ш., но Ш. поручил нам (А. Белому и его первой жене А. Тургеневой. — *И.Б.*) отсоветовать Иванову это намерение» (*Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. 1970. № 15. С. 236–251. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_0410.shtml*).

²² Реминисценция на Откровения св. ап. Иоанна Богослова: «И вот, конь бледный и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним...» (Ап. 6: 8).

²³ В номере газеты от 18 февраля 1918 г.

²⁴ Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) — историк русской литературы и общественной мысли, редактор сборников «Скифы» (1918), один из руководителей Вольной философской ассоциации (Вольфила), заведующий литературным отделом газеты «Знамя труда». А. Ветлугин весьма субъективен в своем отношении к Иванову-Разумнику и его статье «Испытание в грозе и буре», печатавшейся как предисловие к поэме «Двенадцать». А.В. Лавров, отмечая серьезное несходство эстетических воззрений его и Блока («Блок в своих размышлениях о сути “нового” искусства был внутренне бесконечно далек от рационалистических выкладок Иванова-Разумника»), тем не менее признает, что «в первые месяцы после Октябрьской революции Иванов-Разумник оказывается едва ли не самым близким Блоку человеком из литературного мира», а «после опубликования статьи в первом номере “Нашего пути” Блок записал: “Издавать “Двенадцать” и “Скифы” вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью” (3[аписные] К[нижки], 400). Таким образом, он расценил “Испытание в грозе и буре” как вполне соответствующий смыслу его произведений критический комментарий» ([*Блок А.*] Переписка с Р.В. Ивановым-Разумником / Вступит. статья, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Лит. наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 368, 377, 378).

²⁵ Эккерман Иоганн Петр (1792–1854) — литературный секретарь И.В. Гете, автор книги «Разговоры с Гете в последние годы его жизни (1823–1832)».

И с глубокой грустью Блок ответил: «если б вы знали, как волнует меня это предисловие и вся эта шумиха. О, это мне дорого обойдется»...

Тому, кто хоть раз в жизни прочел «Двенадцать», не приходится объяснять, в чем разница между *мыслью* Блока и мыслью Ленина, между катастрофическим сознанием новой эпохи и коммунистическим манифестом.

И если каждый гений, в чьей душе звучит музыка предчувствия, может быть расклеен на плакатах, тогда остается посоветовать Коминтерну широко использовать Христа и Ницше, тем с большей безопасностью, что... величие души не заразительно!..

3.

Было бы величайшей пошлостью в сотне случайных строк говорить о значении творчества Блока, который предопределяет судьбы XX столетия русской поэзии (как Пушкин — XIX) — или о содержании и этапах его трагедии: Блок — узник Северной коммуны — такое же исключительное по значению явление, как Петрарка в Авиньоне, Вольтер в Фернее, Толстой в Ясной Поляне²⁶.

Он был немногословный, замкнутый, с гордой застенчивой душой, с земным усталым сердцем, с мыслью, озаряемой горными молниями. И нужно ли рассказывать, как тосковал он, как перегорал в своем отъединении среди голодных, продающих, растленных²⁷.

Вспоминаю одну такую встречу: Иванов-Разумник читал доклад — обычное ярмарочное остроумие, хихиканье, хватки, взлеты

---

²⁶ Северная коммуна — Союз коммун Северной области, объединение северных и северо-западных губерний в Советской России в 1918–1919 гг. А. Ветлугин, говоря о Блоке — узнике Петрограда, выстраивает ряд самодостаточных «отшельников», выбравших своей линией жизни отгороженность от общества: безвыездное пребывание Петрарки в Авиньоне в 1326–1374 гг. именуется «воклозским отшельничеством»; практически безвыездно жил в Ферне Вольтер в 1759–1778; Толстой постоянно жил в Ясной Поляне в 1856–1910 гг.

²⁷ В книге А. Ветлугин далее описывает тяготы петроградской жизни А. Блока: «Голодал, замерзал, стоял в хвостах, и однажды в очереди за яблоками приезжий молодой человек, заметив странного соседа с лицом скандинавских мореплавателей, спросил у знакомого: “Что здесь делает этот шведский шкипер?..” “В детстве, — вспоминал Блок, — у меня была горячая мечта — стать юнгой. Теперь мне сорок лет, на корабль так и не поступил, а всё чувствую себя почему-то моряком”» (Ветлугин А. Записки мерзавца. С. 147). Этот рассказ содержит текстуальные совпадения со статьей П. Сторицына «Моя встреча с Блоком», то есть в промежутке между публикацией статьи и выходом книги А. Ветлугин ознакомился с материалами на смерть Блока, опубликованными в упомянутом выше выпуске газеты «Жизнь искусства» (1921. 16–21 авг. № 804. С. 5–6).

ужа в небо²⁸. Тусклые умирающие лампочки, громадный нетопленный зал; Батюшков в валенках и драной шубейке, Венгеров запустил пятерню в лохматую бороду и строчит что-то в блокнот; будет возражать... Брюсов — надменный, торжественно-жалкий в своем черном сюртуке и красном галстуке при золотой цепочке; Бобров (отец «Центрифуги») грызет ногти с вызовом и иронией; Айхенвальд, шевеля губами, повторяет про себя какие-то складываемые фразы²⁹, Маяковскому скучно, нужно поддерживать репутацию: время от времени он лениво стучит ногой по попугаю и кричит: «хам»!..

В самом заднем ряду, на маленьком полусломанном стульчике сидел Блок; развязный прыщавый «левый эсер» что-то шептал ему на ухо, он сидел неестественно спокойный, бледный, опустил глаза, слушал и своего соседа, и Разумника, повествовавшего о «прозрениях Блока, Есенина, Клюева»... от всей его фигуры веяло такой безысходной обреченностью, что вспоминались столь излюбленные им строки Лермонтова:

Скакун на волю господина
Из битвы вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его на воле догнала...³⁰

²⁸ Реминисценция из «Песни о соколе» (1895) М. Горького, где уж, решившийся испытать ощущение полета, прынул в воздух и тут же упал на камни. Именно в этом абзаце встречается примелькавшаяся цитата: «Рожденный ползать — летать не может!»

²⁹ Батюшков Ф.Д. (1857–1920) — историк русской литературы и литературный критик; после революции редактор и комментатор издательства «Всемирная литература»; Венгеров С.А. (1855–1920) — литературный критик, историк русской литературы, библиограф; составитель «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)» (6 т., 1886–1904); Бобров С.П. (1889–1971) — поэт, переводчик, литературный критик, стиховед. Один из организаторов русского футуризма. Глава издательства «Центрифуга» (основано в 1914), основатель литературной группы «Центрифуга» (1914), объединившей участников символистского кружка «Лирика» (С.П. Бобров, Б.Л. Пастернак, Н.Н. Асеев) и поэтов-футуристов Божидара и К. Большакова, а также И.А. Аксенова, Б.А. Кушнера и др. Его неуживчивый характер, язвительная манера общения стали источниками некоторых мифов. Например, на одном из выступлений Блока Бобров якобы назвал его «поэтическим мертвецом» (современные исследования этого не подтверждают). Айхенвальд Ю.И. (1872–1928) — литературный критик, профессор народного университета им. А.Л. Шанявского по кафедре русской словесности, переводчик Шопенгауэра. Наиболее популярные труды — сборники «Силуэты русских писателей» (3 вып., 1906–1910) и «Этюды о западных писателях» (1910). Октябрьскую революцию не принял, издал попавшую под запрет книгу «Наша революция. Ее вожди и ведомые» (М., 1918). В 1922 г. арестован и выслан на «философском пароходе» в Германию.

³⁰ Строки из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» приводятся по цитате из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910). У Лер-

...В далекие, сравнительно счастливые дни 1916 г. у него на квартире на Галерной улице, в маленьком кабинете, половину которого занимал ковровый диван, Блок без всякой внешней связи с разговором прочел эти строки и сказал: «Какая жуть — жизнь Лермонтова, его непогрешимые предчувствия. На днях я сидел за редактированием перевода Флобера и с ясностью необычайной ощутил — ни этого дела, ни большой программы своей жизни я не доведу до конца. Вот увидите: “Возмездие” (он его только что начал) не будет окончено»...³¹

В этом же году, в странном таинственном стихотворении («Было то в темных Карпатах») он написал: «Спи старый друг, терпи, терпи, терпеть не долго, крепче спи!.. Всё равно, ведь никто не поймет, ни меня не поймет, ни тебя, ни что ветер поет нам, звеня»...³²

...Выстрел Дантеса, выстрел Мартынова, красная цинга. 37 лет, 27 лет, 41 год. И снова полупонятый, снова — «с досадой тайною обманутых надежд»³³ ушел от России ее великий поэт.

Как Скрябин, он пророчил, как Скрябин, он не дождался³⁴.

Литература

Белобровцева И. «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»: Письма А. Ветлугина Дон Аминадо // Работа и служба: Сборник памяти Рашида Янгирова / Сост. Я. Левченко. СПб.: Своё издательство, 2011. С. 205–231.

[Блок А.] Переписка с Р.В. Ивановым-Разумником / Вступит. статья, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1981. Кн. 2. С. 366–414.

монтова фрагмент имеет следующий вид: «Скакун лихой, ты господина / Из боя вынес, как стрела, / Но злая пуля осетина / Его во мраке догнала!» Особого внимания заслуживает удвоение Блоком вообще не встречающегося у Лермонтова слова *воля*.

³¹ Работа Блока над поэмой «Возмездие» датируется 1910–1921 гг. Значительная ее часть была закончена в 1911 г., позже Блок возвращался к ней в 1912, 1914, 1916 гг. Последний период интенсивной работы — в январе, мае, июне, июле 1921 г. и за несколько недель до смерти. Блок считал поэму избыточной и в предисловии к ней написал, что не чувствует «ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла» (Блок А. Предисловие // Блок А.А. Собр. соч. Т. 3. С. 295).

³² В стихотворении «Было то в темных Карпатах» (1913–1914) две первые строки последней строфы выглядят иначе: «Жди, старый друг, терпи, терпи, терпеть не долго, крепче спи!..», — что, впрочем, не снимает мотива близкой смерти.

³³ Строка из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

³⁴ А. Ветлугин ссылается здесь на многочисленные пророчества-предсказания А.Н. Скрябина (1872–1915) относительно будущего человечества, роли музыки в его возрождении, собственной судьбы и т.д.

Ветлугин А. Сочинения: Записки мерзавца / Изд. подгот. Д.Д. Николаев. М.: Лакон, 2000. 450 с.

Галушкин А.Ю. «...Кто забудет Блокову кровь?» Неизвестный некролог Б. Пильняка // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. С. 180–183.

Лунц Л.Н. Посмертная литература о Блоке / Публ. Т.А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 393–400.

Перцов П.П. Воспоминания о В.В. Розанове / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Сукача // Новый мир. 1998. № 10. С. 146–160.

Подорога В. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: Серен Кьеркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка. М.: Ad Marginem, 1995. 426 с.

Тименчик Р.Д. Ангелы-люди-вещи: в ореоле стихов и друзей. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2016. 830 с.

Устинов А. Русская поэзия 100 лет назад: взгляд из Ростова // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 173–184.

Chapelle D. Nietzsche and Psychoanalysis. Albany: SUNY Press, 1993. 258 p.

References

Belobrovtsava I. “‘Vami zabytyi i Vas liubiashchii A. Vetlugin’: Pis'ma A. Vetlugina Don Aminado”. *Rabota i sluzhba: Sbornik pamiati Rashita Iangirova*, comp. Yan Levchenko. St.-Petersburg, Svoe izdatel'stvo publ., 2011, pp. 205–231. (In Russ.)

[Blok A.] “Perepiska s R.V. Ivanovym-Razumnikom”, introd., ed., comm. A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 92 “Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia”. Moscow, Nauka publ., 1981, book 2, pp. 366–414. (In Russ.)

Chapelle D. *Nietzsche and Psychoanalysis*. Albany, NY, SUNY Press, 1993. 258 p.

Galushkin A.Iu. “...Kto zabudet Blokovu krov'?” Neizvestnyi nekrolog B. Pil'niaka”. *Blokovskii sbornik XVI: Alexander Blok i rusaska literatura pervoi poloviny XX veka*. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003, pp. 180–183. (In Russ.)

Lunts L.N. “Posmertnaia literatura o Bloke”, ed. T.A. Kukushkina. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god*. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2004, pp. 393–400. (In Russ.)

Pertsov P.P. “Vospominaniia o V.V. Rozanove”, ed., introd., comm. V. Sukach. *Novyi mir*. 1998, № 10, pp. 146–160. (In Russ.)

Podoroga V. *Vyrazhenie i smysl: Landshaftnye miry filosofii: Seren Kierkegaard, Friedrich Nietzsche, Martin Heidegger, Marsel Proust, Franz Kafka*. Moscow, Ad Marginem, 1995. 426 p. (In Russ.)

Timenчик R.D. *Angeli-liudi-veshchi: v oreole stikhov i druzei*. Moscow, Mosty kul'tury; Ierusalim: Gesharim, 2016. 830 p. (In Russ.)

Ustinov A. “Russkaia poeziia 100 let nazad: vzgliad iz Rostova”. *Siuzhetologii i siuzhetografiia*. 2016, № 1, pp. 173–184. (In Russ.)

Vetlugin A. *Sochineniia: Zapiski merzavtsa*, ed. D.D. Nikolaev. Moscow, Lakom, 2000. 450 p. (In Russ.)

An Obituary on the Death of Alexander Blok

Irina Z. Belobrovtsava

Abstract: Republication of the A. Vetlugin's obituary — an article in memoriam Alexander Blok introduces it into scientific discourse, clarifies the attitude of the younger poets to Alexander Blok's heritage and demonstrates A. Vetlugin's adherence to the silver age canon.

Keyword: A. Vetlugin, Alexander Blok, Vyacheslav Ivanov, Andrey Bely, Ivanov-Razumnik, literary reputation, history of the XX century Russian literature.

Information about the author: Irina Z. Belobrovtsava, Doctor Hab. in Philosophy, Professor, School of Humanities of the Tallinn University. Estonia. E-mail: venefil@tlu.ee